Грушина (Кудряшова) Александра Васильевна

«Если не ты, то кто?»

Не желая уезжать из города, я поступила в ремесленное училище. Однако спустя несколько месяцев и училище стали готовить к эвакуации. Тогда я решила устроиться на работу, хотя в свои тринадцать лет я еще ничего не умела делать.

Меня приняли на Охтинский химический комбинат в деревообрабатывающий цех подсобницей. Помню свой первый рабочий день. От невероятного шума станков к концу дня у меня страшно разболелась голова, и, придя домой, я заявила маме, что на работу в этот цех больше не пойду. Мама, как могла, успокоила меня, убедила, что я теперь рабочий человек и надо переносить все трудности, как взрослой.

Вскоре меня поставили сколачивать ящики. Цех не отапливался. Гвозди прилипали к рукам. Пальцы были в синяках и ссадинах. Еще хуже пришлось ногам, так как всю смену - 10-12 часов - надо было выстоять на одном месте. Однажды валенки (а они у меня не такие уж были добротные) так промерзли, что ноги пришлось оттирать снегом. Получила ревматизм.

Трудно стало ходить не только из-за голода, но и из-за распухающих суставов. В трудных условиях не я одна была. Рядом работали такие же подростки.

С теплотой и благодарностью вспоминаю людей, которые своим участием и поддержкой помогли нам, работающим подросткам, выстоять в блокадное время.

После работы мы ходили в госпиталь. Собирали и приносили туда зубные щетки, кусочки мыла. Учили стихи и читали их, рассказывали о себе. Уходили из госпиталя всегда притихшие и как будто повзрослевшие. По-видимому, эти встречи были необходимы как воинам, так и нам, подросткам.

О том, как голод мучил, доводил до полного истощения и смерти, написано и сказано немало, но у каждого из нас, переживших блокаду, в памяти остались свои, особенно запомнившиеся случаи. Есть они и у меня.

Помню, в один из дней первой блокадной зимы в нашем доме случилась маленькая радость - мама сказала, что у нас будет обед. Оказывается, она случайно в ящике с инструментом обнаружила две с половиной плитки столярного клея. Всякое было. Ели и то, что нельзя было есть.

В нашей семье в блокаду от голода умерли оба дедушки, умер и неизвестно где похоронен дядя Павел. Отец был на фронте.

И сейчас, когда я вижу брошенный кем-то кусок хлеба или небрежное к нему отношение, мне хочется кричать так, чтобы услышали все: люди, помните, в каком городе вы живете и какой дорогой ценой заплатили за ваше право на жизнь его защитники!

Сколько людей не доходили домой с работы или на работу - замерзали. Ведь стояли страшные холода... Дорога, которая проходила по трамвайным путям от Охты до Ржевки-Пороховых, для многих людей стала последней. Иногда я оказывалась невольной свидетельницей: едет по дороге грузовик с открытым

задним бортом, в грузовике - девчата из МПВО, которые подбирали замерзшие трупы. Вот машина остановилась, раздался стук - и промороженный труп в кузове. Этот стук преследует меня все годы.

А машина со своим страшным грузом ехала к церкви (что недалеко от ОХК) и там этих в большинстве своем безымянных героев складывали, чтобы потом предать земле.

Всё методы фашисты на нас испробовали: бомбили, обстреливали из орудий, голодом душили, вели психологическую обработку листовками, чтобы посеять панику среди населения - сломить его дух. Запомнился текст одной фашистской листовки: «Доедайте бобы и залезайте в гробы». Юмор палача, затягивающего веревку на горле своей жертвы. Да, бобы-то мы доели, а вот в гробы, как хотелось бы им, залезать не спешили – выжили, выстояли и отстояли наш город.

Фашисты делали все, чтобы стереть с лица земли наш неприступный город с его защитниками. Все предприняли, все учли, да самое главное упустили - ведь дело-то они имели с советскими людьми, которые, защищая свою любимую Родину, шли на любые жертвы, муки, а если надо, то и на смерть.

И спустя много лет спрашиваешь себя: какая же сила заставляла даже подростков совершать каждый день подвиг, работать, перенося все тяготы наравне со взрослыми, и приходишь к выводу - только вера в необходимость твоего труда: «Если не ты, то кто же?»

Ни паники, ни растерянности не было и следа, даже в самые критические моменты. Громких слов тоже не было, но люди, как один кулак - и стар, и мал - жили с. непоколебимой верой в наше правое дело все 900 дней блокады.